

ФЕЛИКС ГУЩЯН

Чужие письма

...невозможно забыть тебя. Я жил с тобой словно в облаках, в каком-то другом пространстве и времени, вне реалий этой жизни. Я так тебя любил, что не мог различить твою мою жизнь.

В день Рождества Христова
В день празднования Рождества Христова
В православная греческая церковь
...американского городка
...но набита приходами

Апрель

Апрель. Месяц страстей и
...жизни, сердце
Он напоит

О вере

Жил я в одной
...двух лет. Был он
...суренным взглядом челове
...но не спешил делиться.
...ерсенье его жена ходи
...хоре с такими же п
...но покрывала пла
...разговорах все
...волю или на
...в основн
...вот в
...выс

Такая вот жизнь
...всегда были вместе. Он не держал ее
...в обнимку — только гор
...рядом

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Феликс Гущян

Непростые истории

<https://litres.ru/74628329>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник «Непростые истории» — четвёртая книга Феликса Гущяна. В предыдущих книгах автора представлены разные жанры: роман, сказка, притча, миниатюра и философский афоризм. В книгу вошёл двадцать один рассказ. Их действие разворачивается в разные эпохи — от шестидесятых годов прошлого века до далёкого будущего. Герои любят и разочаровываются, носят в себе обиды, оглядываются на прошлое, совершают трудный нравственный выбор и порой замечают в себе то, чего прежде не хотели видеть. В сборнике соединяются реалистическая проза, сатира, гротеск и фантастика. Однако автора занимают не столько время и обстоятельства, сколько сам человек — его слабости и благородство, память и совесть, страх небытия и поиск смысла жизни. «Непростые истории» — книга о том, насколько непрост человек даже тогда, когда его жизнь кажется совершенно понятной.

Содержание

Чужие письма	4
Такая вот любовь...	7
So far, so good?	50
Предатели	55
Непреодолимые инстинкты	61
Обида	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Феликс Гущян

Непростые истории

Чужие письма

«...невозможно забыть тебя. Я жил с тобой словно в облаках, в каком-то другом пространстве и времени, вне реалий этой жизни. Я так тебя любил, что не мог различить настоящую мою жизнь и воображаемую. Всё думал — не сон ли это, не обман ли? Не это ли называется настоящим счастьем? Но в глубине души я всё же переживал: как мне сохранить этот чудесный сон, как мне уберечь, не потерять тебя. Как долго я был счастлив с тобой — месяц, год, вечность — всё было едино, неразрывно... Но в один озябший осенний день всё перевернулось, исчезло в какой-то миг... До сих пор мне мучительно трудно осознать — как такое стало возможным? Мы будто вовсе не были знакомы, словно не прожили вместе все эти годы... Да, ты бывала со мной, но оставалась одновременно мне неизвестной, другой, которую я, видно, не в силах понять... Знаешь, мне почему-то хватало просто находиться рядом, слушать тебя, чувствовать твоё тепло, запах... Тебе же, видимо, не хватало меня, такого, каков я есть... Жаль, что понял я всё это слишком поздно, лишь когда в последний наш день слепо и больно ударил-

ся об эту грань, величиной в лист бумаги, лежавший в твоём полуоткрытом ящике для писем. Прости, не смог удержаться от искушения прочесть чужое письмо, но, видимо, так было уготовано судьбой... Поразительно, но в этом чужом письме я словно читал о моих чувствах к тебе, о наших отношениях с тобой — всё было так возвышенно и так знакомо... Каким же жалким я показался себе в ту минуту! С трепетом в сердце я жадно проглатывал каждое слово, полное любви к тебе, пока не услышал твой звонкий голос из гостиной, зовущий меня подойти. Молниеносно швырнув письмо обратно в ящик, я, совершенно ошеломлённый, вскочил с места...»

Ровно на этом месте чтения письма неожиданно раздался грохот разбившейся посуды, и в ту же секунду — пронзительный визг несчастного пса, сменившийся не менее пронзительным криком хозяйки: «Что ты там всё бесишься? И куда ты свой нос суёшь, дурень! Плохой, плохой мальчик!»

От такого неожиданного поворота событий его всего передёрнуло. Он как будто вернулся из другой реальности. Всё оглядывался, словно не бывал в этой комнате десятки раз. Всё показалось ему чуждо и незнакомо. Не осознавая происходящего, он повертел в руках чужое, недочитанное письмо, неторопливо вернул его в тот же полуоткрытый ящик прикроватной тумбочки и, совершенно обескураженный, медленно вышел из спальни.

Происходящее с ним казалось настоящей мистикой. Было

что-то откровенно унижительное во всём этом и не покидающее ощущение чужого презрительного взгляда.

Его тянуло бежать, бежать изо всех сил, как можно скорей вырваться из этого заколдованного круга...

Проходя мимо гостиной, он резко толкнул дверь... В своём белоснежном халате стояла она лицом к большим окнам, выходявшим прямо на заснеженную площадь Восстания, и тщательно протирала стёкла новых очков, рассматривая их на фоне быстро тающего январского света.

В углу сидел провинившийся пёс, который энергично завилил хвостом, виновато глядя ему прямо в глаза, ожидая ласки и утешения.

Через несколько секунд он оказался на улице, а через пару минут растаял в ней, как снежинка на ладони, не оставив своего следа в том ящичке для писем.

1972 год, Ленинград

Такая вот любовь...

(История из 60-х годов прошлого столетия)

Они, казалось, всегда были вместе. Он не держал её за руку, не ходил с ней в обнимку — только горел рядом с ней. Впрочем, горел он и без неё: и днём, и ночью, так ярко, что всем вокруг было ясно — любит, ах, как он любит!

Но не мужское это дело — держаться за неё на виду у всех. Да и она не могла идти рядом с ним привычно спокойно: всё качалась, как колос на ветру, от напора эмоций, что рвались изнутри и одновременно давили снаружи.

Она то смотрела на него исподлобья, то пробегала по нему чарующим взглядом снизу вверх, то наклоняла голову так низко и естественно, будто в этом не было ничего необычного. А выпрямившись, резко вскидывала вверх густой столб чёрных волос, на мгновение затмевавших его пристальный взор. Затем лёгким движением руки она ловко укрощала их: то оборачивала вокруг шеи и гладила ласково, словно пушину, то мгновенно прикрывала ими лицо, оставляя на виду только пару пылких чёрных глаз — таких жгучих...

Всё кружилось каруселью в его голове, когда он бывал с ней. Не раз он чувствовал себя то парящей вокруг неё хищной птицей, то вдруг зверем, готовым разорвать на куски любого, кто посмеет приблизиться к ней — к его выслеженной добыче.

Жили они в соседних домах, балконами напротив, разделённые лишь одной широкой кроной большого тутового дерева — шелковицы. Каждый мог стоять на своём балконе как вкопанный, часами напролёт, и глядеть в противоположную сторону поверх или между тёмными ветвями шелковицы. Эти кривые линии и зигзаги живописно наполняли холодное зимнее пространство, словно изображая их сложные чувства и тайные помыслы о сближении.

Зато весной и летом разделяющее их пространство превращалось в сплошное зелёное озеро. Широкие ветки шелковицы служили тогда точными ориентирами для быстрого поиска: вон там край той ветки почти касается балкона, где она должна уже сидеть или стоять с умилённым лицом — от медленно пьянящего чувства ожидания их встречи. Лопастные зелёные листья поблёскивали маленькими зеркальцами, точь-в-точь как поверхность воды, играя с яркими лучами солнца и шелестя нежным шорохом под лёгким дуновением летнего ветра.

Вечерами же «на другом берегу» загорался слабый свет лампочки — подобно маяку он приковывал к себе волнующееся сердце влюблённого юноши напротив. И всё это длилось до тех пор, пока грубые выкрики уставших за день домочадцев не срывали его с небес и не возвращали к отрезвляющей праздной обыденности...

С давних пор, ещё мальчишкой, он, как говорится, положил на неё глаз. Никто не смел засматриваться на неё или

говорить о ней что-либо — даже хорошее, — чтобы не давать повода для его ревности. А если, не дай бог, при бра-
тнях или родственниках влюблённого невзначай произноси-
ли нечто неприятное, войны уж точно было не избежать.

В посёлке только и разговоров было: «Да поженятся они, это уж точно! Сам Бог велел — такая парочка, идеально под-
ходящая друг к другу!»

Долго гулять при людях они тоже не могли: «Что за нев-
терпёж!» Прежде всего это он не мог себе позволить, а не
она. Ведь он не бабник, а мужчина, «знающий меру всему
и порядок». И дарить цветы ей прилюдно он тоже не мог.
Только по вечерам, когда свидетелей становилось поменьше,
он передавал ей через своих «подопечных» красивый букет
из наспех сорванной сирени или пионов, что росли в огоро-
дах его родственников и друзей.

Жила девушка Маро у своей одинокой бабки и ходила в
местную школу, а родители её жили подальше — километ-
рах в сорока, в большой горной деревне. По выходным она
уезжала к ним и возвращалась в воскресенье последним ве-
черним автобусом.

В ней было что-то такое, что привлекало внимание всех,
кто проходил мимо. Она была женственна и стройна, ходила
с лёгкостью лани, очаровывая всех собой. При этом остава-
лась достаточно кроткой и скромной — качества, не совсем
типичные для девушки с такой внешностью.

Он же, Каро, напротив, был обычным местным «орлом»

— вездесущим и самым драчливым из всех парней, готовым ввязаться в любую драку за неправильно сказанное слово или за якобы попорченную честь — свою или своих преданных друзей. Но и он был хорош собой. Крепкое спортивное телосложение, чуть выступающая горбинка на носу и ямочка на подбородке выдавали в нём уверенного в себе парня, способного одним взглядом парализовать волю любого, кто захотел бы посостязаться с ним физически или перечить ему в чём-то.

Родители его были всегда мрачны и молчаливы, обременённые заботами большой семьи. Они не успевали вовремя присмотреть за всеми детьми сразу и проследить за их учёбой. Мать была крупной женщиной, всегда ходила в обуви на босу ногу, с тёмными, глубоко потрескавшимися ступнями, словно земля от долгой засухи. На вопросы она чаще всего отвечала мрачным взглядом. Говорила редко и негромко, но в ней было что-то чрезмерно решительное, что позволяло улаживать все житейские вопросы скудным количеством слов — с помощью точно подобранного выражения лица и взгляда.

Отец же носил одну и ту же засаленную телогрейку круглый год: работал экскаваторщиком в местном базальтовом карьере и ездил на работу на мотоцикле с коляской. В коляску для большей надёжности он складывал самые важные для него ценности — самые востребованные запчасти и инструменты.

Бедная бабушка нашей красавицы старательно ухаживала за внучкой и поначалу даже радовалась, что соседский мальчик опекает её. Но вскоре она впала в сомнения, видя изо дня в день, как из безобидного внимания вырастает нечто большое и навязчивое, что теперь мешало ей спокойно спать по ночам. Бабушка не отпускала внуку надолго. Бог весть что подумают люди: скажут, слаба внучка, слаба, потому что нет надлежащего присмотра, не справляется бабка... «Только бы не так», — переживала она.

Вот и приходилось влюблённой парочке попеременно с редкими совместными прогулками устраивать «дистанционные» встречи. Бабушка, бывало, варит вместе с внучкой персиковое варенье у самой кромки оградительной дамбы на местной реке, расточая вокруг изумительный аромат, а он уже тут как тут — где-нибудь поблизости, окружённый живой изгородью из своих преданных мальчиков разного возраста и роста. В этой живой изгороди непременно оставался «пробой» в нужном месте. Для этого один из дружков, ростом пониже, вставал так, чтобы поверх него можно было сколь угодно долго наблюдать за ней, за каждым её движением, ведя при этом замысловатый и отвлечённый разговор о вчерашнем футбольном матче или о каком-нибудь фильме, о котором никто никогда не слышал.

Каждый из его команды, несомненно, получал вместе с ним свою порцию щемящего, приятного волнения. Поэтому было что-то волнительное и одновременно потешное в этих

тайных пробежках влюблённых по углам и дворам маленького посёлка. Его друзья хорошо понимали свою роль в этой важной и ответственной игре и исполняли её произвольно, без всякой предварительной подготовки. Таков охотничий инстинкт мужской особи. Они интуитивно чувствовали, что дело это неотложное, и каждый, кто носил брюки, должен был всячески содействовать нарастающему и приближающемуся к своей кульминации любовному процессу.

Рабочий посёлок, в котором они жили, был примечателен ещё и тем, что все знали друг друга как облупленных. Знали каждого по имени, кому как живётся, сколько и чего съедается, у кого какие побочные заработки от продажи персиков и черешни на городских базарах. Знали, кто сколько вытягивает самогонки и что собой представляет каждый за столом — в начале застолья и под самый его конец...

Знали и крепко запоминали, но откровенничали, как правило, лишь в конце застолья: кто что стянул с завода, кто кому числится любовником или любовницей, на кого недавно точил зуб и чего следует ожидать уже в ближайшее время...

Но, увы, знали и то, что ничего другого, более значительного, в их жизни не произойдёт — ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. И это было даже к лучшему: всем жилось одинаково — легко и тягостно одновременно, ведь все были равны между собой. Разве что какое-то исключительное событие могло возвысить семью в глазах соседей — например, поступление сына или дочери в институт. Случалось такое

редко, относилось к разряду событий из ряда вон выходящих и требовало от сельчан немедленного пересмотра отношения к этой семье.

Тогда начинался экспресс-анализ родословной с целью выявить тот редчайший ген, которому обязана эта «везучая по жизни» семья. Обнаруживался он практически сразу же — на каком-нибудь хорошо известном всем колене родословного древа: «Да вот же в кого пошёл!» После этого всем снова становилось легко и безмятежно. И солнце, как прежде, продолжало безжалостно обжигать давно оголившиеся горные скалы, оставляя на них тёмно-оранжевые разводы — то ли от избытка солнца, то ли от серной кислоты, круглосуточно источаемой медеплавильным заводом «особо важного государственного значения», что громоздился неподалёку.

К высочайшему классу везения жители посёлка относили также удачную женитьбу — она могла привнести пусть незначительные, но всё же хоть какие-то перемены в их глухую провинциальную жизнь. Это могло быть появление в кругу новых родственников человека с автомашиной «Москвич» или даже «Волга», либо работающего в государственной структуре, а то и, что считалось почти равносильным, на каком-нибудь складском хозяйстве.

Тогда каждый житель посёлка, проезжая на электричке мимо давно пустующих местных складов, тянувшихся бетонной стеной вдоль железной дороги, непременно вспоми-

нал о недавно произошедшем событии в такой-то семье: мол, дальний родственник их местного жениха или невесты работает в каком-то неизвестном никому городе — то ли на богатом продуктовом складе, то ли даже на складе домашней мебели.

Но вот пришло время сбора на военную службу, а значит, и расставания влюблённой парочки на несколько лет. Под тем же большим тутовым деревом, редкостной по красоте весной, собрался народ на встречу с представителем военкомата. Видавшие виды мужчины говорили, что нынешний военный сбор нацелен на Сибирь, другие — что возьмут на морскую службу: отслужит три года вместо двух, зато зарабатывает денег. Гадали да спорили, а наша бедняжка недоумевала: как же ей теперь-то быть? Кто она для него будет в его отсутствие? И как ей теперь без него? Как она должна вести себя все эти дни и годы?.. Ведь уже столько лет она душой и сердцем была с ним. А он даже не поцеловал её по-настоящему, как доказательство того, что любит её всерьёз. «А ведь любит, все же видят и знают, что любит меня», — размышляла она.

С высоты своего балкона она высматривала его среди собравшихся под тутовым деревом и нашла в окружении людей, прибывших из городского военкомата. Сверху было слышно, как пожилой военный, сидя на любимой всеми скамейке, рассказывал, как хорошо служить в Морфлоте, какой там порядок и какая морская красота — куда краше на-

ших гор. К горлу неожиданно подкатил комок, и сердце стало учащённо биться. Три года службы и всего один отпуск.

Затем Каро подписал какие-то бумаги, предложенные представителем военкомата, и попрощался с ним по-мужски крепким рукопожатием. Через минуту-другую он взглянул вверх и увидел её. Она едва кивнула, что означало: поднимайся, дома никого нет. В следующее мгновение он уже стоял в дверях её квартиры. Дышал он как-то необычно тяжело и бегал глазами по её лицу, будто искал что-то подзабытое. Она почувствовала, как её бросает в жар, и через секунду бросилась в его объятия. Крепко обняв его за шею, она впилась ему прямо в губы — да так неловко, что услышала лёгкий стук столкнувшихся зубов. Они впервые целовались по-настоящему. Сколько это длилось — минута, две, а может, вечность? Но всё казалось таким волнующим и сладким, что не оставалось сомнений: нет ничего важнее этих поцелуев и их любви на всём белом свете. Прерывисто дыша, он говорил ей что-то сумбурное, непонятное, неловко объяснялся в любви и всё просил подождать его, не выходить замуж до его возвращения из армии. Тихо шаркающие шаги означали приближение бабушки к входной двери, а следовательно, и конец последнего сладкого поцелуя и редкостного душевного блаженства.

Он выбежал из квартиры с трясущимися коленями, но с невероятной лёгкостью в теле, способный, казалось, оторваться от земли и полететь. В ушах звенели слова их при-

знания в любви. Всё это почему-то напоминало ему настоящее кино, где они были главными героями. Он побежал изо всех сил к родной речке, высоко подпрыгивая, ловко отскакивая от камней покрупней и помельче, пока не перебрался на другой берег. Глядя на быстро бегущие игривые волны, он радовался предстоящим переменам. Всего-то за один день столько важных событий произошло в его жизни: получить повестку в армию, поцеловаться с Маро и услышать от неё слова любви! Разве такое бывало у кого-то из его сверстников?

На душе его было так же шумно, как у речки, и чувствовалось странное родство между ними: взбаламученные волны весеннего потока стремительно разбивались о многочисленные камни, кружа вокруг больших валунов, то зарываясь под них, то вновь выбрасываясь вперёд с победным рёвом... И не уследить было за ними, даже за одним гребешком волны, не достать его — убежит прочь, растворится, и вместо него появится другой — такой похожий, но уже иной... А по другую сторону посёлка мчались, подобно реке, но со строгой периодичностью, товарные и пассажирские электропоезда, рассекая оглушительным ритмом стальных колёс и визгливыми гудками дремавшую тишину ущелья, полностью заглушая гордый напев наполнившихся и оживших весенних вод. «Вот такая наша жизнь, вот как всё переменчиво в ней», — задумался Каро.

Оставшиеся дни они проводили вместе, и теперь никто

не обращал на них внимания. Все понимали, что настали последние дни перед военным сбором, и делали вид, будто не замечают их присутствия повсюду. Чаще всего шли они вверх по каменистому берегу, подальше от посёлка, в сторону персиковых садов. Что-то необычное произошло в их жизни с тех пор, как они поцеловались и признались друг другу в любви — словно невидимая связь соединила их, появилось необъяснимое чувство принадлежности друг другу: ты мой, ты моя!

Они присели на прогретые за день гладкие камни, что маленькими островками были рассеяны по всей прибрежной глади реки. Каро тихо спросил:

— Какие у тебя планы, ты уже думала, Маро джан? Что собираешься делать, пока я буду служить?

Она мельком посмотрела ему в глаза и неуверенно произнесла:

— Ну, буду, наверное... где-нибудь работать или учиться. — Маро низко опустила голову, и аккуратно заплетённые косы концами почти коснулись воды.

Помолчав минуту-другую, он решительно ответил:

— Думаю, лучше тебе работать! Не стоит голову морочить, учась по многу лет, да и к чему... Ты ведь девушка, не парень, чтобы думать о карьере да о содержании семьи.

Она промолчала, не решаясь спорить — да и разве ей самой решать такие вопросы? А он продолжал:

— Учиться — значит пропадать в городе, в чужой среде,

полной всяких бед и соблазнов... А потом всё это окажется напрасным, как только выйдешь замуж и родишь детей.

— А ты что будешь делать после армии? — спросила она, желая поскорее увести разговор в сторону.

— Ну, вернусь со службы, устроюсь на хорошее место, чтобы накопить на машину, на мебель... Семейю создадим, с тобой, конечно...

Она ещё ниже опустила голову, почти уткнувшись лицом в колени, а её тугие длинные косы тяжело потянулись в воду, напоминая опускающиеся якорные цепи уходящего в море военного корабля.

Она молчала, не зная, что сказать, а он всё ждал от неё восторженного отклика, словно электризуя ожиданием воздух вокруг. Не дождавшись, добавил с лёгкой обидой:

— Ты что, не рада? Разве это плохо?

Отжимая намокшие кончики волос, она еле слышно про-
бормотала:

— Рада... Но кто знает, как жизнь повернётся за эти годы? Вдруг у тебя всё переменится или встретишь другую...

— Ну что за глупости! Как я могу променять тебя на кого-то? Да разве есть кто лучше тебя на белом свете? Сама не понимаешь, что говоришь! Только ты, и никто другой, я уже всё решил. Ты же знаешь: я человек слова, свои обещания держу крепко. Того же и от других требую. Честность для меня — главное! Ты самая красивая, самая родная, и мы проживём эту жизнь вместе. Решил — значит, так тому

и быть!

Маро была ошеломлена его напором и непреклонной уверенностью. Она понимала, что надо бы ответить тем же, но не смела — не было в ней такой слепой убеждённости. Да и принимала ли она когда-нибудь серьёзные решения сама? Растерявшись окончательно, девушка лишь теребила мокрые косы.

Каро не стал дожидаться слов: резко прижал её к груди и, словно герой в кино, почти театрально воскликнул:

— Ты ведь любишь меня, правда? Согласна со мной, скажи? Давай поклянёмся прямо сейчас! Вот прямо здесь! — Он отодвинул её на расстояние вытянутых рук, крепко сжимая за плечи.

Она словно попала в раскалённые тиски, от которых волнами шёл жар. Едва выговорив «да», Маро окончательно растаяла в его объятиях. Он осыпал поцелуями её лицо, виски, плечи, пока она со смущённым смехом не высвободилась из его рук.

— Вот посмотри на эту иву, — как ни в чём не бывало продолжил он, переводя дух, — на её веточках уже распустились первые почки! Посмотри на эту большую скалу, где мы столько часов просидели, болтая обо всём на свете, или вон на те персиковые сады за насыпью, куда ходили однажды вдвоём на целый день... А сегодня мы уже другие: мы дали клятву и признались в любви. Давай навсегда запомним этот день!

Он был чрезмерно возбуждён. Его большие чёрные глаза горели одержимостью, а сам он казался гордым воином — победителем в неравной битве за их счастливую жизнь.

Призвали тогда из посёлка сразу троих. В последний день перед отправкой на службу накрыли под тутовым деревом длинный стол с домашней водкой-тутовкой и простой закуской. Прозвучали правильные напутственные слова, односельчане одобрительно кивали каждому пожеланию, разом вздрагивая и поворачивая головы в сторону пролетающего с грохотом поезда, будто он уже вёз новобранцев на Север. Матери будущих солдат не щадили слёз — за исключением, конечно, матери Каро. Та, видимо, не умела плакать по таким пустякам. Её угрюмое лицо лишь стало ещё мрачней, но зато вокруг неё впервые кружила Маро, стараясь всячески угодить, пусть и не получая в ответ ни слова благодарности. Потом все захмелели, заиграл аккордеон, и полная луна поплыла по тёмно-синему небосводу, как огромный белый корабль по просторам океана.

В первые дни после проводов Каро она, просыпаясь по утрам, как и прежде, выбегала на балкон, откуда раньше можно было свободно разглядеть его, ожидающего её чуть ли не с самого рассвета. Они бы сейчас улыбались друг другу, жадно ловя каждый взгляд, и стояли бы так, прикованные друг к другу, сколь угодно долго. А теперь на том месте стоял лишь огромный куст розового олеандра в массивном деревянном ящике.

Она вспоминала, как иногда там появлялся его старший брат, но, заметив её, трусливо прятался за деревянным ограждением балкона — точно так же, как это делал сам Каро, когда всё у них только начиналось.

Дни без Каро стали безрадостными, а люди казались ей унылыми и неприветливыми. Дети будто перестали шумно играть во дворах, фильмы в клубе крутили всё одни и те же, заезжие артисты больше не радовали концертами. Казалось, река шумела ещё яростнее, словно оплакивала их разлуку. Вокруг запахло старьём и убогостью. Некуда было деваться. Всё вокруг как будто вымерло.

Прошло два месяца, прежде чем наконец пришла от него первая весточка. Его действительно взяли на флот — значит, три года службы. А тех двоих загнали в пехоту, в какую-то российскую глухомань.

Всё это время она частенько навещала мать Каро, молчаливо присаживаясь в углу кухни. Та, не глядя на неё, недовольно бормотала: «Не пишет, мерзавец... не пишет, негодай». Порой без лишних слов Маро бралась за всё, что попадало под руку: то пол подметёт, то посуду перемывает. Одним словом, помогала по хозяйству. Иногда она чувствовала себя почти снохой — ведь соседи уже воспринимали её как наречённую Каро. А иногда — самозванкой, дурочкой, которой просто некуда себя деть.

Время от времени за ней плёлся кто-нибудь из его друзей, стоило ей показаться в центре посёлка, у клуба или отпра-

виться пешком к родственникам на станцию. Это «агенты» Каро шпионили за ней — значит, так им было велено. Такая жизнь не нравилась даже её бабушке. К тому же вскоре родители приказали Маро больше не появляться в посёлке, а жить с ними в деревне и готовиться к поступлению в столичный педагогический институт на будущий год.

Жизнь в родительском доме была тягостной и непривычной, а деревенский быт наводил ещё большую тоску. Дни и ночи тянулись бесконечно. Иногда глубокой ночью во сне он коршуном залетал к ней в комнату, садился в изножье кровати и сторожил её. Осторожно поднимая веки, она видела его властный орлиный профиль: он по-птичьи резко поворачивал голову — то к ней, то к распахнутому окну... «Это он... это он стережёт меня», — пробивалось сквозь сон.

Но чаще она видела его застывшим на балконе перед большим кустом розового олеандра — почему-то всегда в одном и том же ракурсе, точно на портрете со стены.

Потихоньку однообразные дни уходили прочь, унося с собой глухую тоску и надуманный долг навещать мать Каро. Сам он почти не писал, но это её уже не ранило. Лишь однажды пришла весточка на адрес бабушки: объяснял, что молчит из-за вечной занятости, не хочет жаловаться на тяготы службы — как нелегко в море и как пусто без неё. Надо перетерпеть, как бы тяжело ни было. Он сказал «потерпеть» — значит, надо терпеть.

Пришла зима. Родители пристроили её на работу в совхоз-

ный отдел кадров, а по вечерам Маро зубрила билеты. Помогала ей опытная учительница литературы, чьи сыновья уже учились в столичном университете, чем мать безмерно гордилась.

Редкие весточки от Каро стали приходить прямо в деревню. Родители больше не бранили её за эту связь, предпочитая просто не замечать. Он присылал короткие строчки, где повторялось одно и то же, и неизменно заканчивал: «Целую крепко». Казалось, ей этого хватало. О её планах поступать он знал, тревожился, но открыто не перечил, понимая, что спорить бесполезно.

К Новому году пришла его фотография. Каро в форме моряка был удивительно хорош собой. На обороте темнела надпись: «Моей любимой Маро». Она перечитывала её десятки раз на дню, и сердце каждый раз замирало от нежности.

Однажды во время занятий в дом вошли сыновья учительницы, приехавшие на зимние каникулы. Парни держались по-городскому — статные, обходительные, сыпали новостями и рассказами о событиях, о которых Маро и слыхом не слыхивала. Они щедро расточали комплименты, повторяя, какая радость — встретить здесь такую красавицу. Девушка смущалась и краснела у всех на виду.

Каждый раз после урока старший сын норовил увязаться следом и проводить её до дома, но всякий раз натыкался на резкий, почти грубый отпор. Ей не у кого было искать защиты от этих настойчивых знаков внимания: пуще всего она

боялась кривотолков. А ну как дурной слух дойдёт до Каро? От одной этой мысли леденело сердце.

Постепенно Маро одолела нужные предметы и к началу лета была вполне готова к экзаменам.

Большой город ошеломил её. Троллейбусы, трамваи, блестящие легковушки, девушки в неслыханно коротких юбках, пёстрый поток машин. Отовсюду спешили люди, перекликались, извинялись за малейший толчок плечом и благодарили буквально за пустяк. Монументальные здания из розового туфа обрамляли широкие проспекты, а корпус педагогического института высился у самого перекрёстка. Абитуриенты толпились у входа, на ходу листая конспекты и вчитываясь в списки на уличных стендах. Все казались подтянутыми, оживлёнными, будто заряженными неведомой силой.

На время экзаменов они с отцом остановились у дальних родственников в просторной квартире. Отец Маро страшно переживал за дочь и всем сердцем желал ей удачи: то и дело выбегал на улицу и возвращался с чем-нибудь лакомым, стараясь порадовать и поддержать её.

После поступления ей предстояло жить в студенческом общежитии — так договорился отец Маро со своими родственниками: у тех подрастал собственный сын-студент, и лишней тесноты в доме не хотели.

Настали дни экзаменов. Не было для неё поры тревожнее, но вместе с тем захватывал и пьянил витавший в воздухе дух соперничества. Маро вдруг ощутила: нельзя пасовать перед

трудностями, надо смело брать то, к чему лежит душа, не робеть и не отступать.

Экзамены она выдержала блестяще и увидела свою фамилию в списках зачисленных. Это была её первая настоящая победа!

Вернувшись на побывку в деревню, она прямо с порога спросила:

— Мам, письмо есть?

Мать недовольно фыркнула и бросила конверт на край стола:

— Ты бы поняла наконец: ты теперь не просто девчонка из совхоза, а студентка высшего учебного заведения. Всему роду твоего Каро такое и не снилось! Понимаешь ты это?

— Ну и что? Разве счастье только в этом? — тихо возразила Маро. — Поступила — и что, теперь все дороги к счастью сами собой открылись?

В письме Каро признавался, что новости не очень обрадовался: боялся, что она зазнаётся, станет глядеть свысока и разлюбит его, простого матроса. У Маро сжалось сердце от его непритворной тревоги. Она тут же ответила, что любит по-прежнему и что никакие дипломы и родительские уговоры не заставят её отступить. Эти строки показались ей самой дерзкими, но именно эту правду хотелось выпалить немедленно. Запечатав конверт, она поспешила на почту.

В общежитии поначалу всё казалось непривычным и тесным: маленькие комнаты, четыре койки впритык, один фа-

нерный шкаф на всех. Но пьянящее чувство свободы и независимости перевешивало любые неудобства. Маро чувствовала, как перемены кружат голову: водоворот судеб, лекции, книги, сам азарт самостоятельной борьбы за своё место под солнцем. Она сама не ожидала от себя такого упорства и жажды быть первой.

К концу осени она уже ходила в отличницах. Однокурсники всё чаще искали повода заговорить с ней — то за конспектом подойдут, то просто улыбнутся. Когда парни наперебой расхваливали её красоту, Маро лишь досадливо хмурилась, видя за комплиментами пустое заигрывание и нескромный интерес.

Как-то раз у выхода из корпуса её перехватил тот самый старший сын учительницы. В руках он держал увесистый том. Смущённо улыбнувшись, парень поздравил её с первыми успехами:

— Вот, держи. Это тебе земляческий подарок. Кнут Гамсун, «Плоды земли». Прочти, не пожалеешь... Ты не спешишь? Можно, я тебя немного провожу?..

Минул год. В ноябре неожиданно повалил густой первый снег.

Однажды утром прямо у чугунной институтской ограды Маро заметила одинокую фигуру моряка. В руках он бережно держал укутанный от стужи свёрток с цветами. Парень переминался с ноги на ногу, пряча лицо в поднятый воротник бушлата, — видать, простоял на сыром ветру не один

час. Хотя он и стоял спиной, сердце ёкнуло мгновенно: Каро!

Она бросилась к нему, взметнув полами пальто первый снег, нарочно оббегая полукругом, чтобы успеть наглядеться сбоку, прежде чем упасть в объятия. Прохожие с улыбкой оборачивались на статного моряка. Маро подлетела сзади и крепко обхватила его руками за пояс.

Каро резко крутнулся на месте и замер, удивлённо вскинув чёрные брови. Снежные хлопья мягко оседали на его погонах, бескозырке и длинных ресницах, чуть загнутых кверху. От счастливой неловкости он лишь уткнулся лицом в её шею, а Маро жадно потянулась к его озябшим губам.

— Пойдём! Я сегодня ни на какие занятия не пойду! — сияя, воскликнула она и потянула его за руку к проспекту, гордо и открыто оглядываясь вокруг, чтобы весь белый свет видел, кто идёт рядом с ней.

За два дня они успели повидать самое главное. На следующее утро выглянуло яркое ереванское солнце, первый снег быстро сошёл, и в воздухе даже повеяло весенним теплом.

Маро привела Каро в общежитие, показала свою пустую комнату: соседки были на занятиях. Они присели на аккуратно заправленную кровать. Но Каро словно подменили. Перед службой всё между ними было иначе — пламенно и просто, а теперь он сидел озадаченный, хмурый, почти не разжимая губ.

Видя, что напряжение не отпускает его, Маро обняла его руку, ласково прижавшись щекой к сукну бушлата.

На вопрос, как проходит служба, он скупой ответил: «Нормально». Служил он в Мурманске. Народ пьющий, говорил он, а местная молодёжь слишком развязная. «Скорей бы отслужить и вернуться домой», — часто повторял он.

Она повела его в Государственную картинную галерею Армении, рассказала всё, что знала, и даже что-то придумала, чтобы заинтересовать его. Потом они зашли в кафе поест. Он накупил еды на целый взвод и был очень взволнован.

— Знаешь, я с таким удовольствием читаю мировых классиков, ты и представить себе не можешь. Мне так нравятся французские писатели — Мопассан, Стендаль, Бальзак, Флобер... Столько всего открываю для себя, совершенно другой взгляд на женщину, на её судьбу.

— О чём они все пишут? — холодным, безразличным тоном спросил Каро.

— Да обо всём: о жизни, человеческих отношениях, ну и, конечно, о любви, как же без этого! — с лукавой улыбкой добавила она.

— И что же прибавилось в тебе после того, как ты прочла так много о любви? — подчёркнуто иронично спросил он.

— Ну... как тебе сказать... Просто расширило моё представление, и больше ничего. Всё, что я знала о любви, было исключительно из чувств моих к тебе... А в книгах — это целая философия...

— А поконкретнее можешь сказать?

— Ну, что любовь есть любовь, она может быть какой угодно, не обязательно такой, какой мы себе представляем...

— И это всё, что ты поняла из этих книг?

— Нет, почему же... Я просто поняла: когда любишь, ты живёшь душой, всецело доверяешь и ни о чём не думаешь. И это чувство нужно прежде всего тебе самому, тому, кто любит... Не знаю, как сказать точнее... Я поняла ещё, что любовь может с одинаковой силой как окрылить женщину, так и сломать, если запереть её только в четырёх стенах и не дать почувствовать себя личностью...

Каро нахмурился и замолчал, ничего больше не стал говорить, но было видно, как он серьёзно задумался над её словами.

— Ты тоже должен читать их, Каро! — говорила она с искренним восторгом. — Знаешь, это так здорово — чувствовать себя современным человеком, прогрессивно мыслящим! Каждый должен идти в ногу со своим временем — не забегать вперёд, но и не отставать. А ты как думаешь?

— Ты всё верно говоришь, всё это красиво звучит, но для меня наши традиции и адаты важнее всего.

— Я тебя понимаю, конечно, это тоже важно, но, Каро джан... Жизнь в столице такая интересная, столько возможностей для развития, для хорошей работы... Ну не сравнить городскую жизнь с нашей деревенской. То, что тебе кажется дерзостью и развязностью, для городских — просто желание быть собой. Разве это плохо? Так люди проявляют стрем-

ление к самостоятельности, независимости, отстаивают свои права — и это, по-моему, естественно для человека, независимо от страны и национальности, — пыталась она передать свою точку зрения, которую вынесла из опыта столичной жизни.

Он ничего не ответил на это, а только непрерывно курил свою «Яву», словно выводы собирался извлечь именно оттуда.

Поздно вечером, когда ей нужно было возвращаться в общежитие, а ему — к своим знакомым, он неожиданно заявил, что передумал оставаться ещё на день и лучше прямо сейчас уедет ночным поездом. Мол, дома накопилось много неотложных дел. Да и для неё так будет лучше — не станет отвлекать её от занятий и подготовки к экзаменам.

— У тебя сессия на носу. Не дай бог её завалишь — твои родители со свету меня сживут. Они ведь меня терпеть не могут, верно?

— Да с чего ты взял? — вспыхнула она.

— Сам знаю, — глухо бросил он.

На её мольбы остаться ещё на пару дней Каро лишь уклончиво ответил, что заедет попрощаться за день до возвращения на службу.

Служба подходила к концу. За это время Каро стал писать чаще, а сами письма сделались длиннее. Он рассказывал, что во всём себе отказывал и скопил немало денег ради их будущего. Той весной их корабль ходил в дальний поход с за-

ходом в Крым. Он погулял по приморским городам, увидел цветущие персиковые сады на окраинах и сразу вспомнил родной посёлок: как бродили вдвоём рука об руку, как сидели под старой ивой у реки и мечтали о будущем.

Он с тревогой замечал, что Маро с каждым годом меняется, рассуждает по-другому, и признавался, что далеко не со всем в её мыслях согласен. Да и весточки от неё приходили всё реже, становились короче и как-то мудрёнее — не чета прежним. Но всё это, твердил он, не имеет никакого значения: он любит её по-прежнему и не мыслит жизни без неё.

Она отвечала, что всё это пустые выдумки, просто она не знает, о чём ещё писать, кроме лекций и зачётов, ведь ничего особенного в её буднях не происходит.

Наконец подошло время демобилизации. Было лето. Она поехала специально, чтобы встретить его. Родители не смогли её отговорить — Маро была непреклонна:

— Я должна сама решать, как и с кем мне быть. А если упрекаете в том, что содержите меня, то завтра же устроюсь на вечернюю работу.

Вместе с бабушкой они пришли к Каро, когда тот ещё отсыпался после бурной вчерашней встречи с друзьями. Мать Каро, как всегда, встретила их с каменным лицом, но на этот раз посмотрела прямо в глаза — верный знак того, что гости ей небезразличны. В квартире стоял стойкий, въевшийся запах отцовской солярки, табачного перегара и ядрёных домашних солений. Повсюду валялись разбросанные вещи,

стопанная обувь, блестящая обёрточная бумага и пустые бутылки. Стол в кухне был загромождён немывтыми тарелками с окурками и остатками ночной закуски. Через приоткрытую дверь гостиной было видно, как на продавленном диване, раскинув мускулистые руки и тихо похрапывая, спал Каро с обнажённым торсом.

— Не ждала вас, — сухо процедила мать Каро. — Заходите. Не убрано ещё. Вы не вовремя.

— Хорошо, — ответила бабушка, — зайдём позже, когда Каро проснётся.

Они ушли с тяжёлым осадком на душе. Картина была неприглядной, хотя для этого дома — вполне привычной. Постояли во дворе, поздоровались с соседями, выслушали дежурные восторги по поводу столичной красоты Маро и поднялись к себе.

Пройдя через прохладную, безукоризненно чистую бабушкину квартиру, Маро вышла на балкон и привычноглянула на противоположную сторону. Сердце ёкнуло: он стоял на своём излюбленном месте! Весь взъерошенный со сна, Каро торопливо приглаживал густые кудри. Заметив её, он широко взмахнул рукой и выразительно показал пальцем вниз — мол, спускайся скорей!

Встреча вышла натянутой. Поздоровались сдержанно, неловко приобняв друг друга, и сразу пошли к их старому убежищу — туда, где прощались перед его службой. Он жадно, исподлобья разглядывал её с головы до ног, и во взгляде

его сквозило явное замешательство перед её непривычной, взрослой женственностью. Это была уже не прежняя робкая девчонка, а статная красавица в элегантном платье; тонко подведённые глаза делали черты лица ещё выразительнее.

Сперва перебрасывались ничего не значащими фразами, но, когда дошли до раскидистой ивы у самой воды, Каро не выдержал:

— Я очень рад, что мы с тобой снова здесь, спустя три года. Видишь, как всё вокруг запустело... Мы тоже стали немного другими. Хотя ты всем видом хочешь показать, будто вовсе не изменилась и осталась всё той же Маро. Но ты стала другой... так мне, по крайней мере, кажется. Это не твоя вина, так бывает со всеми, кто уезжает в город. Ты охладела ко мне...

— Кто тебе такую глупость сказал? — перебила она. — Сам себе напридумывал! Ничуть я не охладела. Это ты стоишь передо мной, точно встретил в чужом порту незнакомую даму с чемоданом и робеешь подойти, — с лукавой улыбкой упрекнула она. — Я вот тебя ни капли не стесняюсь и могу прямо сейчас расцеловать — если, конечно, примешь такой подарок от незнакомки!

Каро оторопел, растеряв всю напускную суровость.

— А пока ты соображаешь, я так и сделаю! — звонко рассмеялась она и обеими руками притянула его лицо к себе.

Маро осыпала поцелуями его щёки и лоб, пока он сам не перехватил её и не впился в её горячие губы. Целовал он

уже не как в первый раз — властно, жадно и умело. Наконец они оторвались друг от друга, тяжело дыша, будто напились студёной воды из горного родника.

— Ты изменилась, — повторил он с улыбкой, переводя дух.

— Зато ты — нет, — ответила она припухшими губами, глядя на него сквозь упавшую на лоб прядь волос. — Всё такой же упрямый и неприступный.

— Да, представь себе. Зато я остаюсь верен своим чувствам и тому, что задумал!

— Но ведь и чувства, и мысли не могут стоять на месте! — горячо возразила Маро. — Что хорошего, если человек вообще не меняется? Мы же должны расти, узнавать мир, а не цепляться за то, что было в шестнадцать лет!

— Я не об этом! — нахмурился он. — Ты нарочно меня не понимаешь. Я говорю о чувствах к тебе и о нашей общей жизни!

— А разве я говорила, что разлюбила тебя или что пора менять твои планы?

— Да... — многозначительно протянул он. — А я вот слышал, что сын твоей учительницы тебе в городе проходу не даёт. Что скажешь?

— Чушь какая! Что значит «проходу не даёт»? Он воспитанный парень, просто надеется, что я обращу на него внимание... — Она сама услышала, как неуверенно прозвучал её голос. — Ну пытается ухаживать, надеется... а вдруг я

передумаю? — Маро наигранно, звонко рассмеялась. В этот момент внутри у неё всё неприятно сжалось. Она вспомнила тот вечер в общежитии, глухую усталость после сессии, острое чувство, что Каро где-то бесконечно далеко... Но тут же отогнала эту мысль. — Но он прекрасно знает, что у меня есть ты! — добавила она уже твёрже.

— Вот за эти «попытки» я сверну ему башку, чтоб ни вправо, ни влево повернуть не мог!

— Только посмей! Он ничего дурного себе не позволял. Он очень вежливый и деликатный человек. К тому же образованный: работает переводчиком с французского. Если б ты знал, какие стихи он пишет...

— Ну вот, теперь всё ясно! Для тебя стихи пишет, а ты и уши развесила, таешь сидишь. А я стихов не сочиняю и пыль в глаза не пускаю — говорю прямо, что на душе и в мыслях. Только, вижу, тебе этого мало. Тебе стихи подавай. Простой речи уже недостаточно.

Ему действительно было горько и обидно. Каро тяжело опустился на валун и уткнулся взглядом в землю. Маро сжалась от жалости к нему. Не выдержав, она подошла, опустилась к нему на колени и крепко прижала его голову к своей груди:

— Ну не сердись! Я слишком хорошо тебя знаю и верю только тебе. Всё будет так, как ты решил. Только пообещай, что будешь сдержаннее и не наделаешь глупостей из-за пустой ревности.

— Обещаю, — глухо отозвался он и зарылся лицом в её густые, пропахшие речным ветром волосы.

Лето выдалось долгим ещё и потому, что родители Маро затеяли семейную поездку на Чёрное море по профсоюзной путёвке. Не поехать с ними она не могла. Отец Маро и Каро при редких встречах едва цедили сквозь зубы пару слов, а мать лишь сухо кивала, когда тот переступал их порог. Тем не менее мать всё больше видела, как преданно он любит её дочь, чувствовала твёрдость его мужского характера и постепенно смягчалась. Однажды она даже обронила соседке, что от Каро «настоящим мужиком за версту пахнет».

Перед самым их отъездом на побережье он заглянул попрощаться. Посидели на кухне, выпили чаю, а уходя, Каро негромко сказал:

— Я тоже уезжаю.

— Куда? — хором спросили все.

— В Краснодар, на заработки, пока Маро учится в городе. Накоплю денег, куплю обстановку, а если удастся — то и машину.

Отец Маро усмехнулся и отрезал:

— Это сколько же надо вкалывать, чтобы всё это закупить... Пустое бахвальство, и только!

Каро мгновенно вскипел. Он весь взъерошился, точно петух, и, хотя Маро умоляла его глазами сдержаться, дерзко бросил:

— Там настоящие деньги платят! Люди на стройке в две

смены вкалывают, на аккорде сидят. Это не по саду час-другой с важным видом прохаживаться, а в пять вечера дома чай пить, будто от тяжких трудов с ног валишься!

У отца от такой наглости пропала всякая охота спорить, но, чтобы не остаться в долгу, он процедил:

— Все вы туда с гонором едете, а возвращаются многие с пустыми карманами. На них потом ничего не купишь. Я уж молчу про беды и заразы, которые там заодно цепляют.

— Посмотрим, — оборвал его Каро, — чья правда будет. Я не из тех шалопаев, кого вы знаете, — ни по уму, ни по совести!

На том и разошлись. Впереди были ещё два долгих года разлуки, вместившие лишь пару коротких мимолётных встреч.

Каро вернулся с юга аккурат к тому дню, когда Маро защитила диплом. По посёлку мгновенно разнёсся слух: денег он привёз целую кучу и уже отправил товарным поездом полный мебельный гарнитур. На легковушку, как и предполагалось, не хватило, зато у ворот красовался новенький блестящий мотоцикл с коляской. За два года на чужбине Каро заметно возмужал, а на щеке темнел короткий шрам — след краснодарской драки. Со всеми вокруг он остался прежним — сухим, резким и самолюбивым, но только не с ней.

Встречались они теперь открыто у неё дома. Маро всё-таки убедила родных не чинить препятствий. На вечные распросы матери: «Ну что ты в нём нашла?» — она отвечала

убеждённо:

— Его волю, смелость, крепкий мужской характер. Он человек слова: что пообещал — расшибётся, а сделает. Он понятный, надёжный, открытый. И потом, он никогда не позволял себе ничего лишнего — не то что другие, готовые распускать руки на второй день знакомства.

— Да, хорошие качества, бесспорно. А ты уверена, что он и дальше останется таким простым и понятным? — с сомнением спрашивала мать.

— Знаешь, ни в ком нельзя быть уверенной до конца, — задумчиво отвечала Маро. — Он ведь живой человек, не машина. Всякий может повести себя неожиданно, столкнись он с тем, чего раньше не знал и не понимал...

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась мать.

— Да то, что человек до конца открывается только в беде или в испытаниях. Поэтому не надо ни на кого полагаться вовсе без оглядки.

— Даже на родителей?

— Даже на родителей. Они ведь тоже люди со своими слабостями. Разве родители не ошибаются, когда решают за детей, с кем им жить?

— Ладно, Маро. Тебе видней — тебе с ним жить. Поговорю ещё с отцом. Он вроде не противится, хоть и тяжело ему. Говорит: больно дерзок Каро, а в семье от такой гордыни будут одни беды. Но будь по-твоему. Только помни: у тебя были и другие женихи — и интеллигентные, и богатые, и

со связями... А ты выбрала...

— Не надо, мама! Выбор был сделан давным-давно, ещё в детстве. Так легла моя судьба, к этому всё шло с самого начала.

День свадьбы назначили после того, как родители с обеих сторон наконец обо всём договорились. На сборы дали месяц. После торжества молодые должны были махнуть к Чёрному морю — в те самые места, которые Каро успел присмотреть на службе. Первые два дня собирались провести в тихой бабушкиной квартире, а через месяц, вернувшись с юга, перевезти купленную мебель в соседнюю деревню километрах в двадцати от посёлка, куда Маро распределили преподавать литературу в школе.

План казался Маро безупречным. Она искренне радовалась, что всё складывается ладно и складно, а Каро гордо расправлял плечи, видя, как в точности сбывается всё, что он когда-то наметил.

Под старым тутовым деревом, выдавшим немало любовных историй, разбили длинный шатёр, открытый с двух сторон, а рядом зарезали двух крупных баранов. Народ возбуждённо сновал вокруг шатра, дожидаясь начала свадебного пиршества. Наконец гости расселись за столами, а для пожилых женщин и детей накрыли отдельно, рядом с шатром, уступив места внутри персонам поважнее.

Заиграл аккордеон, протяжно потянул кларнет, и тут же, словно по жилам, пробежала ритмичная барабанная дробь.

И сразу заиграла кровь, застучало сердце праздником жизни, как только в шатре появились молодожёны. Красота была неопишуемая.

Невеста словно вышла из сказки — вся в белом, воздушная, будто спустившаяся с небес, с длинными чёрными косами и завораживающим взглядом. Жених стоял рядом в строгом чёрном костюме, белой рубашке и чёрном галстуке — всё это он надел впервые в жизни.

Пили и произносили тосты почти под копірку: до чего же хороши невеста и жених, как они чертовски подходят друг другу!

— Пусть у них будет много детей! Пусть проживут долгую жизнь и состарятся вместе на одной подушке! — неслось со всех сторон.

С первых же рюмок крепкой тутовки у всех не на шутку разогналась кровь, разлилась по телу, по ветвям шелковицы, по самому небу! Народ без устали пил и плясал, пока не пришло время ответного слова молодожёнов — ещё одной волнующей традиции застолья.

Первым поднялся Каро:

— Я знаю Маро с самого детства, она запала мне в душу ещё девчонкой...

— Скажи прямо, что с самого детства влюбился по уши, чего стесняешься! — выкрикнул из-за стола близкий друг жениха.

Каро строго зыркнул на него и сдержанно бросил:

— Пусть будет так, как ты сказал. Тебе со стороны виднее. Все дружно грянули смехом, а дружок не унимался:

— А что, я так и буду всю жизнь за тебя во всём признаваться? Ха-ха-ха!

Гости развеселились, прекрасно зная нелюдимый и строгий нрав Каро.

— Я мечтал об этом дне и жил надеждой на него, — продолжил Каро. — Я ни на кого больше всерьёз не смотрел, потому что для меня лучше Маро никого на свете нет. Я трудился и сделал всё, чтобы этот день настал. И я счастлив, что мы женимся и будем вместе строить нашу семью и будущее.

Народ дружно захлопал и потребовал слова невесты. Хотя обычно невестам слова не давали, случай с Маро был особым: девушка не простая — с высшим образованием!

На лице Маро засияла улыбка. Уверенно и спокойно она подхватила тост своего жениха:

— Мы шли к сегодняшнему дню разными путями, но цель была у нас одна. Я очень хорошо знаю Каро и горжусь им. Уверена, что он будет примерным мужем для меня, а я — ему верной и любящей женой.

Народ зашумел, выкрикивая слова похвалы и восхищения. «Вот как надо говорить — коротко и ясно!» Кто-то закричал: «Туш за молодожёнов!» — и аккордеонист с кларнетистом попытались сыграть что-то ритмичное, современное, на вкус молодых.

Подростки выбежали на середину шатра и стали ломать-

ся, изображая шейк. Маро не выдержала и присоединилась к ним. Народ принялся хлопать в такт, а она выделявала настоящие движения шейка — своеобразно двигала бёдрами и руками, морща лицо так, будто решала сложную алгебраическую задачу. Невиданное дело: невеста исполняет шейк вместо традиционного харси пар — танца невесты! Все были в восторге, кроме Каро: он натянуто улыбался, а сам терзался вопросом, где она всему этому научилась.

Но вскоре вся молодёжь повскакала и под жёсткий сумбурный ритм зашла в страстном танце, наслаждаясь минута полнотой свободы.

На протяжении всей свадьбы с лиц родителей Маро не сходили улыбки. Она наблюдала за ними, любуясь их танцами, смехом и радостью, которую они разделяли с родственниками и односельчанами. Однако тревога за них почему-то не отпускала её: мысли путались, а сердце переполняли противоречивые чувства.

Вскоре родители стали прощаться со всеми, и прежде всего с молодожёнами. Маро и Каро проводили их до машины, украшенной красными ленточками и шарами. Прежде чем мать села в машину, Маро попросила её уединиться на пару минут и отвела в сторонку. Она встала напротив, смущённо глядя на неё и без всякой нужды поправляя гранатовые бусы. В глазах металась невысказанная мысль.

— Что с тобой, дочь? Почему ты так загрустила? Что случилось? Что тебя беспокоит?

— Да нет, ничего особенного, мам... Просто... — ответила Маро, не глядя матери в глаза и продолжая ласково гладить её округлые плечи и располневшие руки, словно не виделась с ней давно. — Не хочется тебя отпускать.

Она взяла ладони матери в свои и нежно прижала их к губам.

— Ну что ты, дорогая? — виновато улыбаясь, мать вытирала уголком платка слёзы с лица дочери. — Это мне плакать надо, а не тебе, что отпускаю от себя мою единственную кровиночку... — Она и сама не сдержалась, всхлипнула. — Не тревожься за нас... Все мы через это проходим, девочка моя. Покидаем отчий дом, чтобы своё гнёздышко свить. Он тебя любит! Вот что самое главное. Это не пустые слова, — мать легонько потрепала дочь по щеке. — Ты, главное, с ним не спорь по мелочам, лучше смолчи лишний раз, пока притрётесь друг к другу. Сама знаешь: парень он, мягко говоря, крутой, неподатливый. Да и ты не подарок, — усмехнулась мать сквозь слёзы, пытаясь её утешить.

Тем временем отец Маро вместе с Каро стояли у машины, наблюдая за приближением женщин. Заметив, что жена и дочь в необычном настроении, отец обратился к Каро:

— Каро, ты знаешь, как мы привязаны к нашей дочери... Она у нас одна. Может, тебе покажется странным, но я, как отец, всё же хочу попросить тебя: бережнее относись к ней... Понимаешь, в молодые годы мы бываем излишне придирчивы, ругаемся по всякому поводу, а потом с возрастом начи-

наем сожалеть, что были такими невеждами и ни хрена не понимали, что надо было каждый день проживать с душой и любовью.

— Да о чём ты? Я разве из тех, кто по мелочам травит жизнь — свою и её? Такие вещи не должны тебя беспокоить. Я что, вчера с ней познакомился? Я её, наверное, лучше знаю, чем самого себя, — ответил Каро со сдержанной улыбкой.

Вернулись молодожёны на свои места, мило обнимая друг друга за талию. Столы были уже наполовину пусты. Гости постарше отправились домой, оставив молодёжь в одиночестве. И те снова пустились плясать и веселиться, потеряв чувство времени и меры, пока свадебный крёстный не призвал всех разойтись: молодожёнам необходим отдых. Веселье утихло. Привели всё в порядок. Никто больше не пил и не шумел. Довольные люди разошлись по своим домам. Только дворовые собаки продолжали вынюхивать места, где была пролита кровь животных, и выискивать случайно оставленные косточки. Луна блестела ярче прежнего, медленно опускаясь к горизонту, и лишь сверчки без усталости продолжали трещать.

Супружеское ложе молодожёнов выделялось особым убранством. Разные подушки — большие и маленькие, с вышивками розовыми и синими нитями по углам, свежие занавески, прикрывающие настежь открытые окна, нарядные полотенца на спинках стульев, большой кувшин с водой и

эмалированный тазик — всё придавало особую интимность первой брачной ночи.

Она стояла посередине комнаты и, словно незванный гость, смотрела на всё это с какой-то странной отрешённостью. Затем бросилась на диван и разрыдалась, уткнувшись лицом в маленькую подушку. Она редела так, что Каро в первые минуты не на шутку испугался и всё допытывался, что случилось. Некоторое время она не отвечала, но потом сквозь подушку почти прокричала:

— Я изменила тебе, Каро! Изменила... Мне очень стыдно и больно... Прости меня, милый... Я позволила себе однажды слабость... так получилось, Каро... Не хочу тебя потерять... Не хочу, слышишь! Я люблю тебя, ты это знаешь... Я не хотела тебе изменять, так вышло, но и сказать тебе раньше не могла, не могла, не могла! Не простишь меня?.. Ты должен понять меня, Каро! Давай поговорим, это всё не так, как ты думаешь... Прошу тебя — не руби сплеча...

Каро побледнел. Он стоял посередине комнаты, обескураженный и разъярённый, в распахнутой рубашке, как после уличной драки, и тупо глядел на неё с презрительным выражением лица. Он молча слушал её душераздирающий плач и, кажется, ни о чём не думал и не проронил ни слова порицания или утешения. И когда она наконец несколько успокоилась, хладнокровно ответил:

— Я ухожу от тебя, а ты оставайся. Ты у себя дома, а мне тут больше нечего делать. Ты мне такая не нужна! Я не могу

тебя простить! И не смогу забыть, хоть сто лет пройдёт.

— Каро, постой, не уходи, умоляю, давай поговорим... Слышишь? — Она тут же вскочила; тушь была размазана по всему лицу.

Он уже взялся за дверную ручку, но замер. Не оборачиваясь, тяжело дыша, холодно процедил сквозь зубы:

— Говори, что ещё не успела важного сказать мне в первую брачную ночь?

— Если ты не простишь меня, то я сама здесь не останусь! У тебя каменное, чёрствое сердце! Ты не любишь меня и не знаешь, что это такое! Вот самое главное, что я ещё хотела тебе сказать... Больно мне осознавать это после стольких лет... Отвези меня на станцию, не пойду я туда пешком одна, — через минуту низким голосом добавила она.

— Тогда переоденься...

Она быстро достала свой чемодан, побросала туда пару вещичек, сморкаясь каждую минуту в пёстрый шёлковый платок, специально купленный ко дню свадьбы, и направилась к двери.

— Ты куда в таком виде? Переоденься, чёрт возьми! — раздражённо закричал Каро.

Она не придавала его словам никакого значения:

— Хочу ещё побыть в своём свадебном платье, — ответила дрожащим голосом и снова истерически разрыдалась, низко наклонив голову.

— Успеешь, побудешь ещё, всё у тебя впереди, — хлад-

нокровно и злобно ответил ей Каро и вышел из квартиры, решительно направляясь к своему новому мотоциклу с коляской. Она поплелась вслед за ним, качаясь от сильной душевной боли.

Мотоцикл рванул и на высокой скорости направился в сторону железнодорожной станции. Вокзал в пять часов утра был почти пуст — только несколько местных собрались к отъезду в столицу. Он тихо позвал её идти за ним, а сам направился к неосвещённой части платформы, где, по его мнению, должны были остановиться купейные вагоны поезда Москва — Ереван. Поезд не подходил. Он держался рядом с ней, чтобы не давать лишний повод для сплетен, но сурово смотрел туда, откуда должен был появиться поезд. Она старалась держать себя в руках, но время от времени резко и сильно всхлипывала, сдерживая изо всех сил желание зарыдать во весь голос.

Наконец поезд появился как из ниоткуда. Он мчался с такой скоростью, что казалось, не собирался останавливаться. Она приподняла голову, чтобы убедиться в этом, но вскоре поезд страшно заскрежетал тормозами, тяжело осел и замер, приближая купейные вагоны ровно к тому месту, где стоял Каро. Он вспрыгнул на подножку вагона и открыл дверь. Тут же появился проводник и попытался сделать Каро замечание, но тот оборвал его одним словом:

— Заканчивай!

Потом достал из кармана денежную купюру и сунул про-

воднику в карман пиджака, сказав:

— Устрой вот ту девушку в самое свободное купе, выдай ей постельное бельё, пусть полежит, угости её чаем и всем, что у тебя есть, понял?

— Та, что ли, в белом платье? — с сарказмом в голосе спросил проводник.

— Да, та! Другой и нет! — грубо ответил Каро.

— Кем она тебе приходится? — продолжал любопытствовать проводник, хитро поглядывая на него. Каро посмотрел с укором и сквозь зубы язвительно процедил:

— Моя невеста! Какое твоё собачье дело — кто она?

— Ну-ну, спокойно, не груби.

Затем он подозвал её рукой, помог приподнять полы платья и подняться в вагон. Поднявшись, она сразу же повернулась к нему, вся ещё в слезах, и простонала: «Каро, я...» Но Каро, не дав ей высказаться, бросил: «Я пошёл» — и исчез из вида, словно испарился с первыми лучами солнца.

Проводник, видя, насколько она подавлена, вежливо попросил её пройти в купе и сочувственно добавил:

— Не терзай себя, детка. Неразрешимых проблем не бывает, поверь... Ты ещё очень молода, да ещё красивая такая... Всё наладится, образуется, а дурное быстро забудется. Заходи лучше в пятое купе, отдохнёшь там.

Она никак не отреагировала на слова проводника и продолжала стоять как вкопанная в проходе у полуоткрытого окна. Оттуда тянуло утренней свежестью. Прохладный ветер

ласково касался её мокрого от слёз лица, а первые лучи солнца понемногу возвращали душевный покой и непоколебимое желание жить.

Когда за окном показались большие персиковые сады, охваченные розовым рассветом, она резко отвернулась от них и подняла влажные глаза к горизонту, менявшемуся с каждым поворотом пути.

Солнце уже сияло вовсю и, словно наперегонки, мчалось вместе с ней вперёд.

2012

So far, so good?

— Джордж! Кристи! К машине, ребятки, живее! Худенькие, загорелые, в одинаковых белых поло, восьмилетний Джордж и десятилетняя Кристи вяло потащились к машине.

У края парковки их ждала машина. Мама сидела за рулём и лениво помахивала им левой рукой — механически, словно подавала давно заученный сигнал. Правой она продолжала что-то набирать в телефоне.

— Ну же, детки, не копайтесь! — бодро торопил их волонтер в микрофон.

Он распахнул заднюю дверцу, дождался, пока дети заберутся внутрь, и захлопнул её с громким, окончательным щелчком. Следующая машина уже нетерпеливо сигналила сзади.

Как только ремни безопасности щёлкнули, мама тронулась. Она говорила по телефону без пауз — резко, эмоционально, с фонетическими выражениями, от которых тонкая бледная вена на её шее вздувалась, подобно дождевому червя, и тянулась вверх, под скулу. Иногда она бросала взгляд в зеркало заднего вида и почти автоматически спрашивала:

— How are you, guys? So far, so good?

Дети знали правила. Ответа не требовалось. Достаточно было кивнуть или пробормотать что-нибудь одобрительное. Каждый смотрел в своё окно.

Машина плавно набирала высоту по серпантину Беверли-Хиллз. В узкую щель приоткрытого окна влетал тёплый калифорнийский ветер, пахнувший цитрусами и жасмином. Между верхним краем стекла и рамой скользила тонкая голубая полоска неба, а за ней — пальмы, холмы и белые особняки, стоящие на террасах, как дорогие одинокие игрушки.

— ...А ты ему так и скажи, что всему есть предел! — почти кричала мама в трубку. — Ничего не проходит бесследно. Рано или поздно за всё приходится отвечать. Что посеешь, то и пожнёшь... Закон бумеранга... У меня самой давно экзистенциальный кризис — не понимаю, зачем вообще всё это делаю...

Дети молчали. Они давно научились не отвлекать мать, когда она говорит. Научились быть тихими, послушными.

Наконец машина въехала на верхнюю парковку. Отсюда был виден весь Лос-Анджелес — огромный, сверкающий, пронизанный артериями хайвеев, по которым нескончаемым потоком текли чужие жизни, чужие амбиции, чужие судьбы.

Как только машина остановилась, дети выскочили и бросились к няне, стоявшей у порога.

Ануш, уже немолодая, но всё ещё крепкая, с большими тёмными глазами, излучавшими мягкий тёплый свет, едва устояла от повисших на ней детей.

— My sweethearts... my little sunshine... — приговаривала она с лёгким армянским акцентом, целуя их в макушки,

волосы, лоб.

Они сбросили рюкзаки прямо на пол и наперебой начали рассказывать всё, что накопилось за день. Ануш слушала, улыбалась, гладила их по головам, задавала вопросы.

Мама вошла следом, уже разговаривая по телефону с мужем:

— Я только что привезла детей... Да, устала как собака. Пока дождёшься их, потом эти пробки... Зато наконец удалось продать тот дом. Паршивец до последнего торговался. Но у меня сегодня ещё одна встреча — в Сан-Диего. Нет, перенести нельзя. Если хочешь, сам откладывай свои дела, я не могу. Ты ведь должен был встретиться с новой няней. Встретился? И как она? Это же хорошо! Что значит, пока не соглашается? Подними зарплату. Если она действительно такая же душевная и образованная, как Ануш, и так же любит детей, подними вдвое. Ты же понимаешь: мы с тобой не можем дать им всего того, что давала она.

Она поднялась по лестнице, не глядя на детей. Её каблучки отбивали по мрамору верхнего этажа ритм метронома.

Ануш накормила Джорджа и Кристи вкусно и по-домашнему. Потом они занялись уроками. Она когда-то была учительницей английского в армянской школе и умела объяснять самые сложные вещи просто и доступно.

Через час хлопнула входная дверь — мама, переодевшись, уехала на очередную встречу, крикнув на ходу:

— Bye!

Вечером вернулся отец. Он приоткрыл дверь в комнату отдыха, увидел детей, занятых каждый своим делом, и спросил точно таким же тоном, как мама:

— Hi, guys! How are you? So far, so good?

Дети кивнули. Так же, как всегда.

Позже Ануш отвела их по комнатам, уложила, поцеловала каждого и пожелала сладких снов. Потом тихо собрала разбросанные вещи, выключила большой свет и устало опустилась в любимое кресло у окна.

Из той самой сумочки, с которой приехала сюда десять лет назад, она достала маленький потрёпанный мешочек.

В нём лежали самодельные подарки детей за все эти годы: кривые рисунки, бусинки, бумажные сердечки, камешки, которые Джордж когда-то принёс ей «из космоса».

Она медленно перебирала подарки, вспоминая, когда получила каждый из них.

Потом вынула паспорт и последние деньги, которые ещё не отправила домой. Медленно пересчитала купюры и аккуратно сложила всё обратно.

Оставался всего месяц.

За огромным окном мерцал огнями Лос-Анджелес — город, который дал ей работу, деньги, крышу над головой, но так и не стал домом.

«Родные мои...» — подумала она.

Неожиданно дверь тихо проскрипела и медленно приоткрылась, впуслав мягкий свет из прихожей. На пороге стоял

Джордж в пижаме. Он смотрел на няню долгим, непривычно взрослым взглядом.

Потом подошёл и крепко обнял её за шею.

Внизу под окнами вспыхнул свет фар — во двор въехала машина хозяйки.

Ануш нежно погладила его по голове.

— Мама вернулась... Беги к себе.

2012

Предатели

Разговор шёл взахлёб. Никто никого не слушал. Никто никому не хотел уступать первенство главного рассказчика. Все хотели только говорить — воспользоваться редким шансом наговориться вдоволь, как наесться и напиться до отказа на чужом пиру. Поэтому наш бурный разговор скорее напоминал камнедробильную машину, к шумной работе которой быстро привыкаешь, осознавая доходность проделываемой работы.

Дети собравшихся в тот вечер родителей были почти одного возраста, тогда как сами родители принадлежали к разным возрастным группам — с разницей примерно в пятнадцать-двадцать лет, — но их объединяли схожие истории о несчастных и непредвиденных событиях в их прошлой, доамериканской жизни. Кто-то рассказывал, как потерял «красивую и умную» жену или редкого по качеству мужа; кто-то — как вынужденно оставил прекрасную европейскую страну, где лишь временно жил в качестве беженца; а кто-то вспоминал о своей прежней «высокой и денежной» должности, но нынче... Все эти биографические факты моих бедных соотечественников стали бессмысленными и непригодными — разве что для деликатного разговора о себе со случайным собеседником на остановке городского транспорта или как трогательная оговорка в более компетентной компа-

нии — для оправдания неудавшейся жизни в Америке.

Болтали бесперебойно, перебивая друг друга лишь на секунду — то жестом, то резким кивком головы: то ли в знак одобрения пропущенной мысли, то ли от внезапно разразившейся, как гром, новой идеи. Так они добивались секундной паузы у собеседников, чтобы тут же вставить высоким голосом очередное вводное выражение — ничего не значащее по сути.

Дети периодически с не меньшим шумом врывались в гостиную, а значит — и в наш разговор, демонстрируя бездарные рисунки или вовлекая нас в свои яростные споры и попутно выхватывая со стола всё, что можно было не задумываясь проглотить. Никто из родителей не одёргивал их и не пресекал, демонстративно не напоминал детям усвоенные ими с детства правила поведения в гостях — все были вовлечены в нескончаемый разговор, давно переросший в стратегическую межличностную борьбу: не уступать ни в чём и не сдаваться!

Через час-другой дети перешли к игре в прятки — исключительно популярной среди не обременённых ничем детей и подростков, особенно при разнополом скоплении. Кто-то должен был прятаться, а кто-то — находить спрятавшегося, непременно потрогав «добычу» руками.

Рядом со мной сидел представительный с виду дедушка примерно восьмидесяти двух лет — отец моего приятеля, который сам был младше меня на двадцать лет. Старик рас-

сказывал сам себе (точно так же, как и каждый из нас) историю своего становления как достойного отца и деда, преданного семье, друзьям — но больше всего Родине. Прошедший с честью Великую Отечественную войну, преданно работавший на высоких, денежных должностях, он ныне вынужденно смирился с неподобающим ему статусом эмигранта, пусть даже не знающего здесь никаких проблем — ни с деньгами, ни со здоровьем.

— Но разве в этом суть, друзья? А как быть с нашей совестью? — говорил он. — Да-да, с совестью! Мы же бросили Родину на произвол судьбы. Разве вы не видите в этом обыкновенную измену, предательство с нашей стороны, а? А я считаю — это самое обычное предательство! А ведь так было всегда в нашей истории, в её самые судьбоносные моменты. Так было и в трагические годы Первой мировой. Забыли? Предательство ради собственного спасения — позор! Не должно личное, собственное благо быть выше морали и нравственности.

Последние слова словно током ударили меня, и я мгновенно опустился до самого первобытного уровня моего самосознания. Однако никто старику не возразил, как бы он ни искал следы воздействия своих изречений на наших лицах — полагаю, лишь по одной простой причине: на данном историческом этапе нашего существования его точка зрения была никому не интересна.

В этот момент забежал в гостиную мой девятилетний сын

и спрятался за входной дверью, распахнутой для подачи свежего воздуха к беспрерывно работающему нашему разговорному станку. Внук старика, разыскивая моего сына, с минуту покружился в центре комнаты, не соображая, куда тот мог спрятаться. Он даже полез под стол, но, никого не обнаружив, простонал, недоумённо глядя на нас, взрослых: — Ну где же ты?

Старик, не переставая говорить о совести и предательстве, вдруг резким движением руки указал внуку, где спрятался мой сын, — точно и решительно, не меняя ни положения головы, ни даже интонации, словно дирижёр, взмахом палочки дающий вступление гобоисту.

Обезоруженный мой сын простонал: «Oh no!» — как же он смог так быстро обнаружить его? Он посмотрел на меня расстроено, словно я должен был это предвидеть и защитить его от такой несправедливости. Я был ошеломлён, но в силу своего консервативного воспитания не посмел перечить хозяину дома. А поскольку тем самым я потерял темп в разговоре, то через несколько минут вновь бросился в наш горячий спор «ни о чём» — на сей раз с бурным вопрошанием, чтобы перехватить внимание:

— А насколько это морально — жить безучастно к проблемам своей страны, своих соотечественников и при этом непрестанно говорить о любви к ней?

Старик первым отрапортовал:

— Нет ни дня, чтобы я не подумал о тамошнем подраста-

ющем поколении. Но что мы можем сделать отсюда, товарищи? Многие из них растут такими убогими, такими необтёсанными, такими грубыми...

Он горестно поник головой. В этот момент в комнату ворвалась восьмилетняя внучка старика и по-учительски, медленно и внятно заявила:

— И где ж ты спрятался на сей раз, дружок?

Грохот «каменоломни» убавился лишь на полдецибела, но не прекратился. И в тот же миг тот же старик опять резко и точно, незаметно для большинства, указал рукой поверх моей головы — за высокой телевизионной тумбой. Девочка бросилась туда:

— Выходи, выходи сейчас же! Ты обнаружен и обезоружен! — притягивая сына за шиворот.

Бедный огорчённо посмотрел на нас и тихо сказал:

— Но так нечестно... Как ты могла так быстро найти меня? Как это возможно?

Признаться, я был шокирован поступком этого мудрого отца семейства. Я взглянул на него с укоризной, подчёркивая своё удивление. Старик, не обращая на меня внимания, продолжал спокойно закидывать в рот жареные кешью и бросил, не морщась:

— Ё^йз пр ршй ш щшшшһтй (Что-то случилось?)

Я замешкался, не найдя достойного ответа. Мы оба замолчали, добровольно уступив своим негласным принципам — не сдаваться и не уступать. Он был абсолютно спо-

коен. Но что-то уничижительное, почти предательское, поселилось в моих ощущениях. Это были те самые робость и подавленность, прорывающиеся из глубин сознания — из чувства неловкости пресечь несправедливость, вседозволенность, пренебрежение истиной, моралью и честностью, оправдывая всё ложной необходимостью прощать — особенно тех, кто старше.

«А не предаю ли я сам себя?» — подумал я. Предательство — это не только отказ от Родины. Это и отречение от честности, от внутреннего долга. А ведь именно эти ценности — выше всего. Даже выше интересов самого отечества.

2016

Непреодолимые инстинкты

Торжественная церемония по случаю окончания шестого класса проходила во дворе самой обычной американской школы. Родители — с умильными лицами и телефонами наперевес — спешили зафиксировать каждый момент: то с собственными детьми, то с их друзьями, то с другими родителями. Все улыбались широко и одинаково — с выражением: «Как же мы счастливы вместе!»

В этот день выпускникам elementary school было разрешено всё: причёски под мафиози, взъерошенные волосы в стиле Леди Гаги, цветные пряди и даже пластиковая бутылка Coca-Cola, почему-то прикреплённая к макушке одной из девочек. Все были одеты в одинаковые бледно-зелёные майки с напечатанными именами выпускников.

Чаще всего звучали слова: «последний день», «прощай, школа», «мы свободны!»

Директор по протоколу произнёс напутственные слова в простых и доброжелательных выражениях. Объявил имена самых талантливых, вручил каждому символические грамоты и безымянные медали. Всё сопровождалось аплодисментами, радостными визгами и фоновой ритмичной музыкой.

Вместо праздничного салюта полуденное небо над школой заполнил низкий гул полицейского вертолёта. Все подняли головы — пусть и с меньшим восторгом всматриваясь

в бесконечно голубое калифорнийское небо.

Началось прощание. Под рок-композицию со вкусом ностальгии у многих одновременно заблестели глаза. Слёзы брызнули, как из автоматической поливочной системы. Волна нежности накрыла и детей, и взрослых — они на миг ощутили себя одной большой семьёй.

Но никто не хотел расходиться.

По инициативе родителей часть выпускников отправилась в городской парк — «отпраздновать вместе до конца». Один из отцов вытащил из багажника огромную сумку, набитую игрушечным оружием: водяными автоматами, пушками, насосами. Восторгу детей не было предела. Уже через пару минут они наполнили своё «оружие» в парковом туалете и начали бой в самой укромной части парка.

Вода летела во все стороны. Смеясь, легко и непринуждённо они осваивали «военную тактику». Игра набирала темп, становясь всё ожесточённое.

В центре площадки оказалась худенькая светловолосая девочка, окружённая плотным кольцом мальчишек. Она кричала, закрывала лицо руками и пыталась отбиться от точных водяных струй. Некоторые подходили почти вплотную, целясь прямо в глаза, другие били издали — бесперебойно, с нарастающим азартом.

— Подавай воду! — кричали они, чтобы перезарядка проходила быстрее. — В лицо! В лицо стреляй!

Девочка захлёбывалась плачем, сбивчиво звала на по-

мощь. Но её мольбы лишь раззадоривали нападавших. Их становилось всё больше.

Ослеплённая, сбита с ног, она уже не могла сопротивляться. Когда, съёжившись, она упала на колени и обхватила голову руками, мальчишки окружили её плотным кольцом и в последний раз выстрелили из всех водомётов сразу — будто совершив контрольный выстрел.

Через минуту они уже неслись по залитому солнцем изумрудно-зелёному полю парка, издавая воинственные крики наподобие краснокожих индейцев и выписывая на глазах родителей зигзаги, наивно имитирующие парящего бумажного змея.

Тем временем родители, устроившись в складных креслах в тени деревьев, болтали о жизни, наслаждаясь редкой возможностью непринуждённого общения. В руках у многих — большие бумажные стаканы Starbucks, имевшие в тот час сугубо ритуальное значение.

2016

Обида

Дольше всего живёт в нас обида, а короче всего — благодарность.

Ф. Г.

Я оказался у них в доме случайно, по приглашению общего приятеля. Армянская семья, родом из Ирана, прожившая полтора десятка лет в Армении, а теперь — в Америке. Гостеприимство в армянских традициях: старые друзья, длинный стол, насыщенный всякой едой, бурлящий говор, громкий смех, бесконечные рассказы о родине и армянах, как будто все эти годы они не уезжали оттуда, а просто отлучились на время.

Меня усадили рядом со стариком — главой семейства. Тонкий, с аккуратно подстриженными чёрно-белыми усами, как штрих-код, он почти не ел и почти не говорил. Лишь изредка вставлял какие-то спокойные, учительские ремарки и уточнения относительно названий топонимов и национальных особенностей соседней страны. Я почувствовал к нему определённое уважение. Захотел понять, какой он на самом деле.

Мы разговорились. Он рассказал, как хорошо жилось армянам в шахском Иране. Общепринятое утверждение местных армян, вызывающее уважение — и в не меньшей мере у любого, кто не сведущ в тонкостях иранских реалий. Напри-

мер, знали ли вы, что при свергнутом Шахе Тегеран соперничал с Парижем в вопросах моды и эстетики? Вот так вот!

И ещё то, что один работающий иранец мог прокормить восьмерых. Правда, без уточнения — какое количество из них дети. Но, учитывая, что дети прожорливее взрослых — статистика достойная внимания. Армян в этой стране уважали. Ни один волосок не должен был упасть с головы армянина! Молодого, конечно, имеется в виду.

Но зов крови... Вынужденный переезд в Армению — бедную, но относительно образованную, отзывчивую. Он быстро всё наладил на своей исторической родине — дом, магазин, достаток. Но вот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.